

Житие святому преподобному Феодору Санаксарскому

Краткое житие преподобного Феодора Санаксарского

Преподобный Феодор Санаксарский (в миру дворянин Иван Игнатьевич Ушаков) родился в 1718 году в сельце Бурнаково Романовского уезда Ярославской провинции. Родители определили юношу на воинскую службу в гвардейский Преображенский полк в Санкт-Петербурге, где вскоре он был произведен в сержанты. Во время обычного шумного собрания гвардейцев, в самый разгар веселья, один из юношей внезапно упал замертво. Увидев умершего без покаяния товарища, Иоанн осознал непрочность мирского счастья. После этого, будучи двадцати лет отроду, Иван Ушаков оставил блестящую столичную жизнь гвардейского офицера и избрал стезю отшельника. Более трех лет он в одиночестве подвизался в лесной чаще на берегах Двины, а затем в Площанской пустыни Орловской губернии, в отдаленной лесной келлии. Как не имеющий паспорта, Иоанн был взят сыскной командой и доставлен в Санкт-Петербург. Шесть лет тяжелых испытаний, лишений и скорбей изменили его

неузнаваемо. Он был сух и бледен лицом, одет во власяницу, подпоясан простым ремнем. Но особенно поражала всех лежащая на нем печать глубокого смирения. «Не вменяю тебе побега в проступок и жалую прежним чином», – сказала императрица Елизавета Петровна. На это он ответил смиренной просьбой – дать умереть монахом. После трехлетнего послушнического искуса в Александро-Невской Лавре 13 августа 1748 года тридцатилетний Иоанн Ушаков был пострижен в монахи с именем Феодор.

Преподобный всегда желал подвизаться в Саровской обители и в 1757 году выехал из Санкт-Петербурга. С ним выехали некоторые ученики и ученицы. Старец поместил учениц в Арзамасском девичьем Никольском монастыре, а сам с учениками поселился в Саровской пустыни. Вскоре ученицы преподобного переведены были в Алексеевскую общину, где жили в строгом следовании уставу, данному старцем.

Прожив в Саровской пустыни два года, отец Феодор возымел намерение возобновить обедневшую Санаксарскую обитель, находящуюся в трех верстах от уездного города Темникова, на левом берегу реки Мокши. К приезду отца Феодора единственная церковь обители была ветха и бедна, деревянные келлии и ограда почти раз-

валились, кровли сгнили. В строительстве отцу Феодору помогали средствами благотворители, почитавшие его за добродетельную жизнь в Александро-Невской Лавре. Преосвященный Пахомий, епископ Тамбовский, призвал к себе преподобного и умолял его быть в Санаксаре настоятелем, приняв священство. Старец по смирению отказывался от хиротонии, но, убежденный епископом, 13 декабря 1762 года был рукоположен в иеромонаха. Настоятелем преподобный Феодор был твердым и строгим. На богослужения посвящалось в сутки часов девять, а в воскресные и полиелейные дни – десять и более того; при всенощном бдении до двенадцати. В церкви он требовал отдельного неспешного чтения. Старец завел в обители личное руководство братии и полное откровение помыслов. Днем или ночью всякий мог идти к настоятелю. При выходе от старца чувствовалась на душе свобода и тишина.

Пища в обители была самая грубая. На монастырские послушания выходили все, во главе с настоятелем. Избегая поводов тщеславия, он не постился более, чем было установлено, и на братской трапезе питался наравне со всеми, беря всего понемногу.

Когда были вырыты рвы в основании каменной двухэтажной церкви, во время молебна прилетел рой пчел и сел на горнем месте будущего алтаря, прообразуя обильную благодать в обители и множество монахов в ней. С тех пор от прилетевшего роя в обители повелись пчелы.

Но старца вновь ждало тяжелое испытание. По ложному доносу темниковского воеводы Неелова старец в 1774 году был сослан в Соловецкий монастырь. Для допросов отец Феодор был вызван в Воронеж, а оттуда заехал в Задонский монастырь к пребывающему там на покое святителю [Тихону](#). Он принял отца Феодора с великой любовью; три дня продолжалась между ними духовная беседа. При отъезде святитель Тихон провожал отца Феодора через весь монастырь, низко кланяясь напоследок. В Соловецком монастыре старец прожил девять лет в строгом заключении, нуждаясь в самом необходимом и испытывая страдания от холода и сильного угара. Не раз его едва живого выносили из келлии и оттирали снегом. Но и в месте заключения братия Санаксарской обители и сестры Алексеевской общины не оставляли своего любимого наставника, оказывая материальную поддержку и испрашивая его молитв.

Наконец по ходатайству митрополита Санкт-Петербургского Гавриила и высочайшему повелению Екатерины II отец Феодор получил полную свободу и возвратился в Санаксарскую обитель. В любимой обители старец продолжал усердно работать Господу. После непродолжительной болезни отец Феодор скончался в ночь на 19 февраля 1791 г. Тело его, хотя и лежавшее в теплой кельи до погребения, не издавало запаха тления. На могиле преподобного была положена аспидного камня плита с надписью: «Здесь погребен 73-летний старец иеромонах Феодор, по фамилии Ушаков, возобновитель Санаксарского монастыря, который пострижен в Александро-Невской Лавре, продолжал монашеское житие 45 лет; со всеми видами истинного христианина и доброго монаха 19 февраля 1791 года скончался».

Племянник преподобного Феодора Санаксарского – блестящий флотоводец адмирал Федор Ушаков, выйдя в отставку, также жил возле Санаксарского монастыря, скончался в 1817 году и был похоронен возле своего дяди. Вместе со своим преподобным сродником он прославлен в лике святых Русской Православной Церкви.

Память преподобного Феодора Санаксарского празднуется в день его кончины – 19 февраля

(по старому стилю; 4 марта, а в високосный год 3 марта – по новому стилю), а также в день обретения его многоцелебных мощей – 21 апреля (4 мая н. ст.).

Полное житие преподобного Феодора Санаксарского

Преподобный отец наш Феодор Санаксарский родился в 1719 году близ села Романова Ярославской губернии в родовом имении благочестивых дворян Игнатия и Ирины Ушаковых и при Святом Крещении был наречен Иоанном. Возраставшего в родительском доме отрока от юности питывали благочестием, усердно научая его Закону Божию и добродетельной жизни. Когда Иоанну было четыре года, у него умерла мать. Вскоре отец женился второй раз. Его новая супруга Параскева и воспитала отрока Иоанна в вере и благочестии.

Когда Иоанн достиг совершеннолетия, его родители, как люди состоятельные, определили юношу на воинскую службу в гвардейский Преображенский полк в Санкт-Петербурге, где за особое усердие Иоанна вскоре произвели в сержанты. Живя в столице, в довольстве, среди веселых и беспечных товарищей, среди раздольного быта и увеселений, обычных тогда в столице и гвардии, молодой Иоанн Ушаков легко мог бы со време-

нем потерять свои природные благочестивые наклонности, ибо, по слову апостола, «худые сообщества развращают добрые нравы» (1 Кор. 15:33). Но человеколюбивый Господь, не желающий смерти грешника, но ожидающий обращения его и «еже живу быти ему» (Иез. 18:23), не оставил юношу окончательно уклониться от благого пути правды Божией и погибнуть в развращении, но сподобил его прийти к покаянию следующим образом.

Во время обычного шумного собрания гвардейцев-товарищей Иоанна, в самый разгар веселья, один из юношей, бывший до того совершенно здоров и весел, внезапно упал замертво. Увидев умершего без покаяния товарища, Иоанн, словно очнувшись от обаяния мирских соблазнов, внезапно осознал всю непрочность того, что люди называют счастьем. Тотчас же решился юноша оставить все: воинский чин, друзей, родителей и всю красоту этого мира, и тайно бежать в пустыню, желая стяжать звание воина Царя Небесного, наследовать гражданство Небесного Иерусалима, «вчиниться в лице друзей Христовых» среди истинной красоты Царствия Божиего. Жаждающая сугубого подвига юная душа укрепилась тогда словами преподобного [Иоанна Лествичника](#): «Изыдите от среды их и отлучитесь и нечистоте мира не прикасайтесь, глаголет Господь. Кто бо когда у них сотвори чудеса? Кто

мертвые возстави? Кто изгна демонов? Никто же. Вся бо сия иноком суть награждения, яже мир вместити не может; аще же бы возмог, то к чему бы был иноческий подвиг и отшельничество?" (2 ступень Лествицы).

Вняв, таким образом, всем существом своим гласу Божию, зовущему к каждому сердцу, но не в каждом находящему отклик, Иоанн, наскоро собравшись, спешно выехал из столицы с одним слугой, как бы в родительский дом, желая лишь обителей Отца Небесного. Отъехав далеко от города, юноша отпустил слугу, переделался в нищенскую одежду и пошел на берега Двины в поморские леса.

После нескольких дней пути попустил Господь Иоанну испытание тщеславием, желая укрепить через это Своего раба.

На дороге вблизи Ярославля неожиданно встретился ему родной дядя, выезжающий из города в роскошной карете со множеством слуг. Желая приветствовать родственника, Иоанн поклонился дяде, но тот, не узнав в оборванной одежде своего племянника, даже не обратил на него внимания. Сильная скорбь и смущение возмутили душу молодого подвижника. Вспомнил он свою прежнюю безбедную жизнь и богатство, не уступающее дядиному. Враг спасения нашего, ободренный мгновением смущения, тотчас представил воображению юноши ослепительные кар-

тины балов и торжественных выездов. Представил он множество слуг и легкую жизнь в роскоши и неге, все яркие соблазны столичной жизни и удалое веселие гвардейского полка. Но Иоанна, познавшего суетность земного счастья, уже не прельстили дьявольские ухищрения. С молитвою, осенив себя крестным знамением, юноша превозмог минутное сомнение и с новыми силами направился к поморским лесам, ставшим для него началом пути ко спасению.

Вскоре, неуклонно преодолевая борения и соблазны, Иоанн, едва переступивший порог двадцатилетия, достиг лесов на берегах Двины. Углубившись в лесные дебри, молодой подвижник нашел в чаще опустевшую келлию и жил в ней один более трех лет, одному лишь Богу работая в сокрушении сердца, подвизаясь в посте, молитве и терпении скорбей. Пищу, самую скудную, и все немногое, необходимое для жизни, ему приносили боголюбивые жители окрестных селений.

Вскоре местное начальство усилило гонения на селившихся в северных лесах раскольников, а при случае теснило и уединившихся там православных пустынников, проживавших без документов. Начали притеснять и Иоанна, подозревая в нем раскольника; он же терпеливо сносил все оскорбления и даже побои.

Однажды, увидев святого, вынужденного приий-

ти в ближайшее селение за самым необходимым, некоторые поселяне вновь стали несправедливо оскорблять Иоанна. Подвижник все сносил в молчании и смирении. Не вынося такого обличения своей злобе, нечестивцы настолько распалились ненавистью, что с побоями поволокли святого в ближайший город Архангельск для суда и расправы. Скорбя о таком падении братьев, преподобный умолял их отпустить его и обещал совершенно покинуть поморские леса, лишь бы не быть причиной соблазна и злобы. Но мучители преподобного лишь усерднее влекли Иоанна на расправу, словно прообразуя будущие его мучения за правду Божию. Но вскоре сильная усталость овладела нечестивцами, и они, вняв, наконец, усердным молениям святого, как бы нехотя отпустили его. С таким большим трудом освободившись, Иоанн вынужден был спешно перейти из своей уединенной келлии в Площанскую пустынь Орловской губернии.

Придя в Площанскую пустынь, Иоанн при встрече с настоятелем обители назвался церковнослужителем. Старец игумен долго не соглашался принимать пришедшего без вида (паспорта) юношу, остерегаясь раскольников или беглых преступников. Лишь уступая настойчивой и усиленной просьбе, настоятель поставил Иоанна читать в церкви богослужебное последование и из его чтения сразу понял, что перед ним не цер-

ковник, а какой-нибудь дворянский сын. Опасаясь, как бы из-за него не было в обители какой-либо неприятности, настоятель поселил Иоанна в одной из отдаленных келлий в лесу, устроенных прежде жившими там подвижниками.

Но недолго пожил любитель безмолвия в пустыни. По прошествии небольшого времени благоволил Господь явить Своего светильника миру. По высочайшему повелению послана была сыскная команда для выявления всех, укрывающихся в лесах от закона, и для разорения их тайных жилищ. Взят был и Иоанн как не имеющий вида. При допросе он откровенно сказал, что тайно ушел из службы в гвардии, а потому сразу был доставлен в Санкт-Петербург к императрице Елисавете Петровне.

Случись такое событие на несколько лет раньше, в царствование суровой Анны Иоанновны, несдобровать бы Ушакову. Но Елисавета Петровна была ласкова, набожна, чтила монахов и покровительствовала настоящим пустынноикам. Приведенный во дворец, Иоанн в ожидании приема у государыни был поставлен под царским крыльцом. А так как прежде ухода из мира он был известен многим как природный дворянин и немалый чин в Преображенском полку, то по Петербургу, а в особенности в гвардейских полках, быстро пронеслась весть, что сержант Ушаков сыскан. Многие допущенные ко двору

собрались посмотреть на молодого подвижника, смиренно стоящего у крыльца. За прошедшие шесть лет Иоанн сильно изменился, и трудно было в этом изможденном постом человеке узнать блестящего гвардейца, веселого товарища по столичным забавам и развлечениям. От великого воздержания Иоанн был сух и бледен лицом, одет лишь во скудную власяницу, подпоясан простым ремнем. Но особенно поражала всех лежащая на преподобном печать глубокого смирения и послушания воле Божией, словно пронизывающая молодого подвижника. Видя это, многие умилялись и клали в своем сердце намерение оставить мир и следовать тесным путем, подобно Иоанну, в Царство Небесное.

После доклада Иоанна провели к императрице. Увидев преподобного, она по-матерински мило стиво спросила его: «Зачем ты ушел из моего полка?» «Для удобства спасения души, Ваше императорское Величество», – с кротостью отвечал Иоанн. «Не вменяю тебе побега в проступок и жалую тебя прежним чином, – сказала государыня, испытывая твердость намерения Иоанна, – вступай в прежнее звание». На это святой ответил: «Ваше величество, в начатой жизни для Бога и спасения моей души желаю пребыть до конца, а прежней жизни и чина не желаю». Снова спросила его императрица: «Для чего же ты тогда не спросясь ушел из полка? К такому дела-

нию и от нас ты мог быть отпущен». «Если бы тогда просил я об этом ваше величество, то не поверили бы Вы мне, молодому и не испытанному всей трудности монашеского жития. Теперь же, после убогого моего искуса, утруждаю ваше величество просьбой – дайте мне умереть монахом». Видя такую решимость подвижника, императрица спросила Иоанна, где бы желал он подвизаться. «В Саровской пустыни, ваше величество». Государыня согласилась, но, испытывая смирение молодого подвижника, оставила его для принятия монашеского пострига в Александро-Невской обители Петербурга.

Так, по воле Божией и согласно императорскому повелению, после трехлетнего послушнического искуса в Александро-Невской обители 13 августа 1748 года 29-тилетний Иоанн Ушаков был пострижен в монахи. Постриг в присутствии императрицы Елисаветы Петровны совершил начальствовавший тогда в обители высокопреосвященнейший Феодосий, нарекший нового монаха именем Феодор, тезоименно великому князю Феодору Смоленскому (память 19 сентября).

С самого первого дня своего монашеского делания Феодор, внимая своему спасению, неисходно подвизался в той обители, любя безмолвие, неустанно упражняясь в посте и молитве.

Когда же восхотел Господь испытать Своего раба и укрепить его твердость и терпение, то по-

пустил ему плотскую брань, такую, что и сам Феодор удивлялся ей. Однако, возложив все упование на Бога и ожидая лишь от Него избавления, преподобный усилил прилежное моление и постился до изнеможения. Бог же, видя Своего раба, в подвиге усердно подвижающегося, облегчил ему плотскую брань, посрамив завистника нашего спасения.

Но вскоре явилась по зависти вражией новая брань. Произошло это по следующей причине. Видя и зная истинно подвижническую жизнь преподобного Феодора, государыня императрица Елисавета Петровна была к нему по-матерински милостива и внимательна. Бывая в обители, она всякий раз спрашивала, не обижают ли его кто. А наследник, впоследствии император, Петр Федорович и вовсе любил при случае повторить, что «в Александро-Невском монастыре только один монах – Ушаков», уважая его подлинное благочестие, постный, в отличие от прочих монахов, вид и добродетели. Жители же Петербурга, всякого чина и звания, вспоминая веселую жизнь сего отца в бытность его гвардейцем, удивлялись, видя настоящее его строгое монашеское житие и почет от царственных особ, и склоняли свои души к покаянию.

Вскоре петербургские жители, хотящие жить в мире богоугодно, начали приходить к нему, умоляя дать наставление: как им, с детьми в мире

живущим, угодить Богу. Преподобный Феодор со смирением отказывался от этого, указывая приходящим на многих ученых монахов, живущих в обители, могущих научить праведной жизни.

Однако посетители искали не учености, а опытности духовной. Постническая жизнь самого Феодора, усердно следовавшего путем Христовых заповедей, побуждала людей вновь просить молодого подвижника разрешить их духовные нужды и недоумения, неразрешенные учеными монахами. В числе обращающихся к нему были и гвардейцы, прежние его сослуживцы.

Видя неотступность приходящих к нему и крайнюю необходимость помочь людям, преподобный Феодор сокрушал себя прилежной молитвой, прося у Бога просветить его разум к пониманию Писания, если Его святой воле угодно, чтобы люди назидались через его недостойнство. И не оставил Господь Своего угодника, сподобив его дара разумения Писания и умения ясно разрешать все духовные нужды в людях. Чтение же творений [святителя Иоанна Златоустого](#) наполнило его душу от чистого источника духовной мудрости и поучениям старца Феодора дало изящность и ясность. Поэтому и обратился к святому скорбящий народ за советом и утешением.

Но жившие в обители ученые монахи из зависти, а затем и ненависти, начали жаловаться

Высокопреосвященнейшему, что простой-де монахах привлекает к себе народ, беспокоит обитель и производит соблазн. Владыка, ежедневно слыша доносы и видя множество людей, идущих к преподобному, приказал казначею не пускать в обитель людей, идущих к преподобному за советами и утешением, чем вверх чад старца Феодора в великую скорбь и уныние.

Преподобный Феодор, сидя в безмолвии в своей келлии, слыша и видя совершающееся несправедное повеление, раздражился духом, как и о великом Златоусте говорится, пошел в келлию казначея той обители и, при обычной скромности своей, сказал ему: «Прошу ваше преподобие объяснить мне, почему запрещен вход в монастырь для желающих приходить ко мне и кто это запретил?». Казначей отвечал старцу: «Не годится тебе в дела учительства входить и через хождение к тебе толпы народа братию соблазнять. Уже и высокопреосвященнейший, видя такую непристойность, приказал все это запретить». На это блаженный ответил ему: «Если в моем учении есть что-то незаконное, то пусть архиерей обличит меня. А без причины наводить такую скорбь людям, желающим видеть мое убожество, не архипастырское дело. Судит ему за это Господь Бог». Тут же об этом ответе стало известно высокопреосвященнейшему, который, тщательно исследовав учение старца, не нашел ничего

запрещенного и вынужден был вновь допустить к преподобному народ, но с того времени стал гневаться на Феодора и измышлять на него козни с прочими клеветниками и завистниками. Так досаждали они святому, что и день и особенно ночь был старец Феодор в опасности. Но помня, что и влас главы нашей без воли Божией не погибнет (Мф. 10:30), преподобный не оставлял своего учительства и поучал всех, приходящих к нему в различных духовных недугах – наставлениями врачуя и утешая. Крепко держал в памяти преподобный слово Сирахово: «Лучше слово, нежели даяние» (Сир. 7:35). И в творениях Златоуста тоже: «Случается часто, что приятное (полезное) слово больше довольствует неимущего, чем подавание... добрым советом может быть большее приобретение, ибо не голод насыщается, но спасается от лютой смерти» (25 беседа на Деяния; 41 беседа на Бытие).

Так блаженный Феодор не оставлял своего доброго подвига и усердно помогал всем, приходящим к нему в душевных скорбях. Отводил от отчаяния страждущих недоумениями и наставлял на путь истинный; печали от диавола, наносимые на душу, отсекал от сердец мечем здравого своего рассуждения и приводил их в совершенный порядок христианского любомудрия. И от этого многие так возлюбили его, что всю свою жизнь на него возложили, и что бы он им ни

сказал, все с радостью и великим усердием спешили исполнить за любовь к Богу. Все ученики его казались между собою как единоутробные братья через причастие небесной любви. Не было в них ни зависти, ни ревности, но удивительное кроткое согласие и единение. Им дано было от отца Феодора наставление, как оберегаться греховных страстей и сластей, воюющих на душу (1Пет.2:11), потому что тот, кто друг мирским страстям, тот враг Богу и Кресту Христову. Учил преподобный, как жить в мире, терпеть скорби ради Бога с радостью и благодарением; учил, какое носить платье и как в пище и питии быть умеренными; как быть не строптивыми и развращенными, но жить по святым правилам. В праздничные дни для душеспасительного собеседования и чтения святоотеческих творений сходиться к одному из более сведущих и образованных учеников его, а для решения недоумений приходить в обитель к старцу Феодору. Дано им было и молитвенное правило.

Но ненавидящий добро диавол не переставал многими кознями, действуя через развращенных людей, досаждал старцу и его ученикам. Ученые монахи поносили их, называя святошами и даже раскольниками. Чада же старца многие годы все терпели со смирением, принимая поношения с радостью. Росла зависть и к самому отцу Феодору за собранное им духовное брат-

ство. Особенно возросла ненависть к преподобному после того, как, поставленный у мощей св. блгв. князя Александра Невского, приносил он денег много больше, чем бывшие до него на этой должности завистники. Настолько возросла злоба вражия, что уже и к смерти готовился святой Феодор, но, не желая мстить, все терпел великодушно, молясь за своих обидчиков, хотя и имел возможность доложить императрице о творящихся беззакониях. Как ни желали завистники сослать преподобного в дальние монастыри, но не могли сделать этого без воли государыни и только злобствовали на блаженного и причиняли ему досаждения и неудобства.

Потерпев таким образом десять лет и видя себя источником гнева, сильной злобы и соблазна, преподобный Феодор решился уехать из обители по слову Христову: «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой» (Мф. 10:23). Святой Феодор просил начальство Лавры отпустить его в Саровскую пустынь, куда и прежде хотел поступить. Вскоре желание старца, не без содействия возликовавших врагов святого, было исполнено. Получив желаемое увольнение, преподобный исходатайствовал у Св. Синода отпускные грамоты для своих духовных чад, желавших следовать за старцем в Саров, и в 1757 году выехал из Санкт-Петербурга с радостью, после долгой борьбы и томления духа. С ним выехали и

привязанные к нему духовной любовью ученики и ученицы, оставившие блага града земного ради Града Небесного. Прибыв в г. Арзамас и не доезжая 60-ти верст до Сарова, старец поместил немногих своих учениц в девичьем Никольском монастыре, а сам с учениками поселился в Саровской пустыни. Вскоре умножившиеся ученицы преподобного переведены были в Алексеевскую общину, где жили в строгом следовании уставу, данному старцем.

Прожив в Саровской пустыни два года, отец Федор, видя растущее число своих учеников, счел неудобным руководить ими, так как и сам был лишь послушник саровский. Наученный горьким опытом благоразумной осторожности, старец просил отцов саровских дать ему обедневшую Санаксарскую обитель, находящуюся в трех верстах от уездного города Темникова, на левом берегу реки Мокши.

Санаксарская пустынь получила свое начало в 1659 году в царствование царя Алексея Михайловича. Место под будущую обитель дал житель города Темникова дворянин писец Лука Евсюков, пригласивший из Старо-Кадомского монастыря первого строителя и настоятеля игумена Феодосия, построившего в 1676 году, по благословению святейшего патриарха Московского и всея Руси Иоасафа II, первый храм обители в честь Сретения иконы Божией Матери Влади-

мирская. Название свое монастырь получил от расположенного под его стенами небольшого озера Санаксар (что на местном наречии означает буквально «лежащее в болотистой ложбине у возвышенности»). Просуществовав около ста лет, Санаксарская обитель от недостатка средств и братии запустела и была приписана к Саровской пустыни, в самую цветущую ее пору.

Преподобный Феодор, обладавший пустыннолюбивым духом, пленившись красотой монастырских окрестностей и совершенным уединением, удобным для монастырского жития, сразу возымел твердое намерение возобновить Санаксар. Получив согласие и благословение от своего старца, строителя Саровского, благосердного отца Ефрема, преподобный в 1759 году переселился в Санаксарскую пустынь со всеми учениками своими, положив начало доброму подвигу о Господе.

К приезду отца Федора единственная церковь обители была ветха и бедна, деревянные келлии и ограда почти развалились, кровли сгнили.

Оставаясь пока официально в зависимости от Сарова, преподобный, как командированный строитель, начал возобновлять кровли тесом, а некоторые келлии и ограды построил заново деревянные. В строительстве отцу Феодору помогали своими средствами благодетели, знавшие и почитавшие его за добродетельную жизнь

в Александро-Невской Лавре Петербурга. Много старания пришлось приложить старцу, чтобы возвратить и укрепить вновь за обителью некогда принадлежавшие ей лесные угодья, сенные покосы и рыбные ловли.

В то время епархиальным архиереем был преосвященный Пахомий, епископ Тамбовский. Зная отца Феодора и радуясь возрождению Санаксарской обители, владыка призвал к себе преподобного и умолял его быть в Санаксаре настоятелем, приняв священство. Старец по смирению усердно отказывался от хиротонии, но, убежденный, 13 декабря 1762 года был рукоположен в иеромонаха.

Глубоко проникнутый сознанием высоты и святости принятого им сана, святой Феодор по возвращении своем в пустынь начал служить Господу со страхом и чистой совестью. С невыразимым благоговением совершал он богослужение в церкви. Во время совершения Божественной литургии старец сиял необычайной красотой и весь тот день находился в особой радости, ярким румянцем выражавшейся на его лице, так что исполнялось на нем слово пророка: «сердцу веселящуся, лице цветет» (Притч. 15:13).

Настоятелем преподобный Феодор был твердым и строгим. По словам монастырской летописи, он «наблюдая сей высокосвященный сан священства, правлением пустыни и всея в ней на-

ходящийся братии достойно соответствовал должности начальника: наставлял истинной вере и благочестию всех приходящих к нему, желающих препровождать жизнь богоугодную; ибо как он чрез многия лета монашествовал добропорядочно и в благочестии, то отменными был украшен дарованиями: нарочитое имел в наставлениях искусство, в рассуждениях был остр и пространен, и прочия, касательно благоустройства жизни человеческой, имел превосходныя качества; отнюдь не склонял желание свое к стяжанию славы и богатства мира сего, но любил паче уединение и поучение словес божественных, жизнь свою посвящал трудам и попечению о спасении душ человеческих».

В церкви отец Феодор требовал отдельного неспешного чтения – так, чтобы и простым людям было понятно. В общем на богослужения посвящалось в пустыни в сутки часов девять, а в воскресные дни и полиелейные дни – десять и более того; при всенощном же бдении до двенадцати. Но при внимательном чтении молящиеся чувствовали в себе особую силу и усердие и не скучили от долготы службы. О необходимости хорошего чтения настоятель говорил так: «Если, по слову апостола, в воинских полках труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению? (1 Кор. 14:8). Так и мы скоротечием будем только воздух церковный на-

полнять, а силы внутреннего смысла читаемого не поймем. Души наши останутся голодными духовно, без назидания. Не чтение слова Божия, а внутренняя сила и дух оно, понимаемые нами, служат нам ко спасению».

Вот слова, которые и теперь заслуживают по мудрости и выразительности своего самого широкого распространения!

Один из опытных подвижников Киево-Печерской Лавры, старец Парфений писал: «Ни один инок не возвращается в келлию свою таким, каким вышел из нее», так как внешний мир рассеивает внутреннюю сосредоточенность. Так вот, в предохранение иноков от этого рассеивания, в ограждение молитвой от могущих их встретить за стенами келлий искушений, отец Феодор предписал им перед выходом из келлии в церковь и обратно молитвы: «Боже, милостив буди мне грешному! Боже, очисти грехи моя и помилуй мя! Без числа согреших, Господи, прости мя! Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим!» и «Достойно есть» до конца.

В церкви братия должна была стоять не только безмолвно, но и не глядя на других. Поклоны полагались не кто как вздумает, а сообразно тому, как клал поклоны читающий и клиросные.

Старец завел в обители самую первую и прочную основу иночества: личное руководство

братии и полное откровение помыслов. Если кого тревожили помыслы – днем ли или ночью, – всякий мог немедленно идти к настоятелю. Отец Феодор отечески выслушивал инока и, успокаивая его, говорил с ним хоть час или два, и отпускал от себя лишь когда помысел, искушение это, утихали. Братия признавалась, что при выходе от старца чувствовалась на душе какая-то свобода и тишина.

Есть позволялось только за трапезой, в келлии можно было брать лишь квас. Пища была самая грубая. Пирогов и белого хлеба не пекли и в Светлую седмицу – разве кто присылал готовыми. Огня никому не позволялось иметь по келлиям, кроме иноков, занятых ремеслами для монастыря; его давали только для топки печей. На монастырские послушания – покос, рыбную ловлю – выходили все во главе с настоятелем.

Часто, кроме бесед наедине, по отдельности, отец Феодор поучал братию и в трапезе. Много объяснял он необходимость иметь духовного руководителя. «[Иоанн Лествичник](#), – говорил старец, – поучает, что весь подвиг монашеского жития состоит в отсечении воли. А без этого всякий, живущий в монастыре, не монах, а мирянин. Как невозможно плавать кораблю без кормчего и обучающемуся какому-либо художеству обойтись без мастера и учителя, так тем более невозможно вступающему в монашество без

опытного наставника спасти душу».

Очень мудрый ответ дал старец на следующий вопрос одного помещика: «Если человеку, живущему в мире, не должно стремиться к наслаждению благами этого века, то для чего сотворено Богом на земле столько приятных вещей? Как даны две противоположные заповеди – о пользовании благами мира и о посте и воздержании?»

Отец Феодор ответил: «Как судить нам о тайнах Божиих! Наше дело – беспрекословно повиноваться истине. Вспомним, что и в раю дана была заповедь воздержания от плодов древа познания добра и зла. Видно из этого, что пост сроден естеству человека. Но если бы по этой нужде поста Бог не благоволил сотворить в таком обилии благ земных, тогда пост у всех был бы невольный. Нужно думать, что обилие благ на земле не для наслаждения, а для совершенного поста. Не невольного поста ждет от нас Бог, а восхотел, чтобы мы, при всем изобилии, не воздерживались лишь, а постились из любви к Нему, как заповедано святой церковью. Обилие же благ земных Бог послал в утешение для немощных, больных, престарелых и младенцев».

Никому из братьев старец не давал предпочтения перед другими: был ли кто его постриженник или пришлый – все встречали в нем одинаковую к себе заботу.

Избегая поводов тщеславия, он не постился бо-

лее, чем было установлено, и, присутствуя всегда при братской трапезе, питался наравне со всеми, только беря всего понемногу.

К народу преподобный был милостив. Как-то ему доложили, что рабочие, производившие в монастыре постройки, взяли лишние деньги, и едва ли можно надеяться, что они вернут их. Старец на это ответил: «Они народ бедный. Пусть этот излишек будет им вместо милостыни».

К такому настоятелю и мудрому учителю естественно стремились жаждущие спасения и доброй подвижнической жизни. Вскоре собралось в Санаксарской обители до 20 человек братии. Но так как они еще не были пострижены в монашество, а сделать это тогда можно было только с разрешения императрицы и Синода, то отец Феодор начал ходатайствовать об этом через графа А.Г. Орлова, знавшего преподобного лично. В благоприятный момент доложено было о сем самой императрице Екатерине II Алексеевне, и она благоволила разрешить постричь в монашество двенадцать верных учеников старца Феодора из отставных гвардейских служащих, что и было подтверждено именным указом от 23 апреля 1763 года. Потом было разрешено постригать и всех братьев, желавших жить под руководством отца Феодора.

В следующем году, когда по случаю учреждения

монастырских штатов Санаксарская обитель подлежала упразднению, ходатайством отца Феодора она была оставлена в числе действующих, 10 августа 1764 года преподобный стал ее начальником, а 7 марта 1765 года высочайшим указом велено было Санаксару именоваться монастырем.

По причине умножения братии отец Феодор положил намерение вместо деревянной, уже обветшавшей церкви построить каменную двухэтажную с верхним летним храмом в честь иконы Божией Матери Владимирская и нижним теплым – во имя усекновения главы св. Иоанна Предтечи. На построение нового храма по ходатайству придворных лиц, особенно графа Алексея Григорьевича Орлова, покровительствовавшего старцу, по именному повелению государыни было выдано из ее кабинетных денег 1000 рублей на поправление обители и дана благословенная грамота от преосвященнейшего Павла, епископа Владимирского и Муромского, от 15 сентября 1765 года.

Заготовив необходимые материалы и получив от благотворителей и почитателей своих из Петербурга денежные пожертвования, отец Феодор по утвержденному архитектором плану приступил к постройке нового храма. Под личным его наблюдением строительство храма производилось с 1765 по 1774 год. Когда были вырыты рвы в

основании церкви, во время молебна прилетел рой пчел и сел на горнем месте будущего алтаря, прообразуя обильную благодать в обители и множество монахов в ней. Преподобный Феодор велел одному брату, о. Герасиму, огрести пчел в улей, и с тех пор появились в обители свои пчелы. Окончательно построенный пятиглавый храм имел 14 сажен в длину, 8 в ширину и 24 в высоту.

Ценные указания о внутреннем строе первоначальной жизни в Санаксарской обители сохранились в записках известного архимандрита Новоезерского Феофана, бывшего учеником отца Феодора, а затем келейником митрополита Петербургского Гавриила.

Он пошел в монастырь в 18 лет, под впечатлением моровой язвы. «Мы искали, – пишет он, – где бы жестокая жизнь была, подольше службу выбирали. В Саровской пустыни – нет, еще слабо! Пошли к о. Феодору в Санаксар. Обитель забором огорожена, церковь маленькая, волоковые окошки, внутри и стены не отесаны, и свеч-то не было: с лучиной читали в церкви. И платье-то какое носили: балахоны! Один смурый кафтан был для одного, который для покупок выезжал... Начало-то обители было в недостатках, трудно. Ноги обертывали онучами из самой грубой пеньки, а босиком не ходили. Я с о. Макарием (из гвардейцев) в одной келлии жил. Ему больше

всех искушения было от отца Феодора. Тем, которые любили разбирать платье, он давал балахоны худо сшитые, с долгой спиной и с заплатами. Один из таких балахонов о. Феодор и дает о. Макарию. Тот смущается, придет к о. Феодору, показывает, как на нем сидит балахон, какая спина. О. Феодор начнет увещевать: «Зачем пришел в монастырь? Да есть ли разум? Что вы, чем занимаетесь? Лишаетесь милости Божией. – Тряпками занимаетесь. А надо заниматься тем, чтобы душу свою очистить, чтобы ни к чему временному не пристраститься». А после уж к такой одежде привыкли. А чтобы при себе что-нибудь свое иметь – этого уж не было! Огня в келлии никогда не бывало. А послушание было такое, что я сам и полы мыл, и щепки собирал, и пищу варил. Сами караулили по ночам. Походим, да поклонов несколько земных и положим, помолимся.

А отец-то Игнатий раза два к преосвященнейшему при мне уже бегал. И когда был поставлен иеродиаконом, то с вечера примочил волосы, заплел да после и расчесал, надел парчовый стихарь, а сам в лаптях! Как стал на амвон, о. Феодор его подозвал: «Ты, – говорит, – павлин, хвост-то распустил, посмотри на ноги-то; поди, сними-ка стихарь-то!» Тот оскорбился и убежал ночью к преосвященнейшему Иерониму жаловаться, что пристыдил, посрамил его, а владыка

и прислал его к о. Феодору, чтобы на поклоны поставил.

О. Феодор никого из братии не удерживал силою и говорил: «У меня ворота отворены для всех, кто хочет выходить», а уж слова «не хочу» не терпел и слышать не мог. Однажды о. Феодор по окончании трапезы остановил всю братию и сказал: «Ну, отбирайтесь: кто хочет в пустыню – на одну сторону, кто со мной – на другую!» Поотобрались. Кто пожелал в пустыню, со всеми последовал худой конец, потому что оставили послушание, а все были такие молитвенники, постники».

Из числа учеников старца впоследствии вышло несколько настоятелей, вдохнувших новую иноческую жизнь в упадавшие монастыри. Таковы: Игнатий, настоятель Островской Введенской (близ г. Покрова Владимирского) пустыни, затем Пешношского монастыря, Тихвинского и восстановитель Московской древней упраздненной Симоновой обители. Макарий, тоже из гвардейцев, был преемником о. Игнатия в Пешношском монастыре. Очень большую заслугу в деле оживления русского иночества истинно монашеским духом оказал о. Феофан (Новоезерский). Через него митрополит Гавриил познакомился с искусными в духовной жизни иноками, которых и назначал в настоятели великорусских монастырей, дотоле управлявшихся очень неудачно,

в смысле нравственного руководства братией, учеными малороссиянами из Киевской Академии.

Крепкий духом, отец Феодор не хотел знать уступок нововведениям и обычаям, которые он считал несогласными с иночеством. Однажды в Москве, когда старец обедал у одного господина с настоятелями московских монастырей, зашла речь о монашеской одежде, и настоятели, объясняя о. Феодору, что по городским обычаям им невозможно носить простые и дешевые материи, спросили о том его мнение. «Могли бы вы, отцы, – отвечал им пустынножитель, – иметь себе оправдание, если бы при пострижении перед Святым Евангелием давали обеты о претерпении нищеты по другим каким правилам. Но как чин пострижения один и обеты одни, то немного тут требуется толкования. По страстям же толковать и послаблять себе – это в свое время послужит к осуждению таковым себе потакателям. Неприлично духовным людям иметь богатое платье, келейных служителей светских с пуклями, также богатые кареты, как знак любви к пышности. Монах не светский господин, а человек, умерший миру, хотя и настоятель». Вспомним, что так говорил человек, привыкший в юности ко всяким удобствам, видевший близко блеск двора. При этих условиях слова о. Феодора становятся еще ценнее.

И ученики преподобного удивляли городских иноков своею чисто иноческою последовательностью и осмотрительностью. Сопровождавший о. Феодора в Москву ученик его был послан по делу на Дмитровку и зашел по дороге к обедне в Георгиевский монастырь, бывший раньше на этой улице. По окончании обедни, игуменья пригласила его к себе пить чай. Послушник ответил: «Так как о. Феодор в Москве, то я не смею идти к вам без его благословения» – и ушел. Едва в его присутствии игуменья не воскликнула: «Вот – это послушание!». По уходе же послушника сказала сестрам: «Слышите, сестры: вот как живут настоящие монахи».

Смущались некоторые, что преподобный управлял двумя монастырями: своим и женским Алексеевским (община в Арзамасе), который он основал. Ходили к знаменитому схимнику Досифею в Киев с этими недоумениями, на что старец Досифей спросил: «Вы слабости в нем какие-нибудь заметили?». – «Нет, он строгой жизни». – «Недостатки, что ли, какие есть?» – «Никаких нет». – «За кого вы его почитаете?» – «За святого». – «Грамоту он знает?» – «Ученый». – «Что вы сомневаетесь! Умная голова не только два стада, но и десять может пасти!» Так и успокоились. Много добродетелей было у преподобного, много благ сделал он людям. Недоставало одного, чтобы увенчать достойную жизнь его: невинного

страдания, и Господь дал ему возможность перенести такое испытание.

Темниковский воевода Неелов пожелал иметь о. Феодора своим духовным отцом. Старец предупредил его, что будет требовать повиновения во всем, что касается духовной пользы человека.

При этом святой указал воеводе на заповедь апостола Павла относительно духовного учительства: «Проповедуй слово, настой благовременне и безвременне, обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением» (2Тим.4:2). Воевода обещал старцу полное послушание и в течение трех лет действительно исполнял свое обещание, но потом стал нарушать посты, делать притеснения городским жителям и при каждом удобном случае брать с них поборы. Летом запечатывал печи в домах, беря за разрешение пользоваться ими по рублю; несправедливо решал дела, обвиняя невинных, а виновных, за взятки, оправдывая. Все строгие увещания и обличения о. Феодора были тщетны. Наконец, тронутый крестьянским бедствием, старец поехал в Темников 24 октября 1773 года.

Узнав о прибытии преподобного, воевода, давно решивший избавиться от старца, позвал его в канцелярию, сел за стол перед зеркалом и начальническим тоном спросил о. Феодора, что ему нужно. По праву духовного отца старец безбоязненно высказал ему все, что считал нужным, и

убеждал прекратить утеснения бедным. Изобличенная злоба вместо обращения к раскаянию и любви обратила всю свою ненависть на обличителя. Призвав из соседней комнаты специально позванных и наученных свидетелей-чиновников, Неелов велел записать в протокол, что настоятель Санаксарской пустыни назвал его, воеводу, при зеркале грабителем и разорителем, и представил обвинительный протокол губернатору в Воронеж. Тотчас донесено было обо всем Синоду и императрице, которая повелела расследовать это дело.

Вскоре воронежский губернатор вызвал к себе старца для расследования. Выехав в сопровождении своего ученика Фёдора Соколова (впоследствии архим. Феофан), отец Феодор написал и подал оправдательный ответ и немедленно был отпущен обратно.

Путешествие отца Феодора – исповедника правды Божией было поучительно для многих его учеников и сопровождалось двумя особенными встречами. На пути к Воронежу, не доезжая 30 верст до Тамбова, в селе Большая Талинка проживал благочестивый диакон Михаил Никифоров, духовный сын старца Феодора. Искренне преданный духовному отцу, он строго исполнял все наставления своего старца. Отец диакон оба раза встречал своего наставника с великим благоговением и представлял ему прихожан, живу-

щих по уставу преподобного. Эти простые рабы Божии между собою жили во взаимной любви о Господе, соединенные крепче родных, бедным и неимущим помогали, снабжая их всем необходимым. От этого все в домашнем содержании жили в довольстве. Пьянства и разных бесчинств в их селе не было – ни игрищ, ни гор, ни качелей. Церковь Божия всегда была наполнена народом, приносившим Господу Богу непрестанные моления от чистого сердца. Естественно, что такое христианское житие раздражало невежественных завистников. Учеников о. Михаила называли раскольниками, вводящими какое-то новое учение. Тамбовский наместник даже отобрал у о. Михаила все его книги и отправил преосвященнейшему епископу Тамбовскому Феодосию. Рассмотрев все книги диакона и расспросив его самого, владыка сказал, что «если бы в моей епархии все были такие священнослужители, как о. Михаил, то я спасся бы их молитвами». Эти ученики диакона, видя старца и слыша его наставления, от умиления плакали, а когда преподобный уезжал от них, со слезами приносили все, что могли на дорогу, от усердия своего, и клали у ног отца Феодора.

Из Воронежа отец Феодор нарочно заехал в Задонский монастырь, чтобы принять благословение и посетить пребывающего там на покое святого [Тихона](#) († 1783), известного светильника

веры, благочестия и добрых дел. Святой Тихон принял старца с великой любовью. Жившие при нем келейники говорили, что никому другому он не был так рад, как батюшке отцу Феодору. Три дня продолжалась между ними духовная беседа. При отъезде преподобного святитель проводил благочестивого старца через весь монастырь до святых ворот и при прощании кланялся ему низко. Так родственны между собою все святые души!

По возвращении в Санаксар через несколько недель вышло повеление императрицы: «оного Феодора, лиша настоятельского и иеромонашеского звания, отослать яко человека беспокойного простым монахом в Соловецкий монастырь, препоручив начальнику оного монастыря неослабное за ним смотрение». В виде снисхождения к виновному приказано было отпустить с ним в сундуках все его имение, сделав предварительно его опись. Для составления описи прибыл игумен Арзамасского Спасского монастыря Иоасаф. Но имения у проводившего нестяжательную жизнь старца никакого не нашлось. Отец Феодор показал о. Иоасафу шерстяной войлок, жесткую подушку, овчинную шубу, мантию, рясу и сказал: «описывайте». В этом состояло все его земное богатство.

С этим имуществом в сопровождении двух солдат старец Феодор – ревнитель правды Божией

и был отправлен в Соловецкий монастырь, не оправдываясь, но смиренно покорившись воле Божией и монаршей. Прощаясь с братией, напутствуемый слезами и молитвами санаксарских своих учеников и арзамасских учениц, старец сказал: «Кто желает жить в этой обители, пусть остается в ней; кто же не желает – пусть выходит с благословением, кто куда хочет».

Суд Божий не замедлил над воеводой Нееловым, главным виновником ссылки святого страдальца. Неделя прошла только по отправлении отца Феодора, как в город Темников явилась шайка разбойника Пугачева и разграбила город. Трусливо сбежав и оставив вверенный ему город на разорение, Неелов за эти и многие прочие свои бесчинства был подвергнут суду и штрафу и вскоре умер в городе Шацке, публично покайся в содеянном против старца злодеянии. Санаксарский же монастырь молитвами святого Феодора остался цел и неразграблен: шайка Пугачева даже не зашла в известный бедностью жития монастырь.

Девять лет прожил святой страдалец в Соловецком монастыре. Из Санаксарской пустыни ежегодно, по усердию к блаженному отцу и учителю, ездили по два брата навещать отца Феодора и помогать в его нуждах. Старец, находясь в самом строгом заточении, нуждался во всем необходимом. Изнемогал преподобный от холодного

воздуха Соловков, страдал от угара в каменных келлиях, топившихся два раза в неделю и рано закрывавшихся, так что угорал отец Феодор до потери сознания. Часто замертво вытаскивали послушники преподобного и оттирали снегом. Ученики и послушники допускались к старцу по одному и помещались в отдаленной келлии, так что старец все время подвергался опасности умереть внезапно. Но преподобный Феодор как истинный угодник Божий претерпевал все многолетние страдания без ропота, молясь за обидчиков, в смирении и полном послушании воле Божией.

Наконец Господь восхотел возвратить невинного страдальца в Санаксарскую его обитель к ученикам, где он столь спасительно и благотворно потрудился. Один из учеников старца, монах Феофан (уже упоминавшийся нами, впоследствии архимандрит, возобновитель Кирилло-Новоезерского монастыря), будучи судьбами Божиими взят в келейные служители к митрополиту Петербургскому Гавриилу, понуждаемый совестью и любовью к старцу, постарался о возвращении отца своего. Он доложил митрополиту, что старец Феодор совершенно напрасно и долго страдает, и просил оказать милость возвратить преподобного в Санаксар. Высокопреосвященнейший Гавриил, истинный подвижник Божий и покровитель всех, добре о Господе подвизаю-

щихся, потребовал записку с объяснением всего дела. Так как отец Феофан сам ездил со старцем в Воронеж на суд губернатора и писал от имени старца ответ по его обвинению, то, зная хорошо все дело, без затруднения составил подробную записку.

По этой записке митрополит в Великий Четверток 1783 года, совершая чин умовения ног в дворцовой церкви, после службы объяснил государыне императрице Екатерине Алексеевне дело отца Феодора и уверил её, что старец страдает напрасно. Дело о нем решено в превратном виде, совсем противно его благочестивому, ревностному по Боге духу. Между тем невинный страдалец, находясь уже девятый год в Соловецком заточении, от холодного климата и разных лишений совершенно изнемог. Государыня при этом спросила: «Сколько лет от роду старцу?» Митрополит ответил, что лет семьдесят, на что императрица возразила: «Столько лет ему, кажется, не будет. Я его знаю».

На другой день – 18 апреля – было прислано митрополиту именное повеление о возвращении монаха Феодора из Соловецкого монастыря. Это повеление владыка тогда же отвез в Св. Синод, вследствие чего и велено было возвратить старца в Санаксарскую обитель в прежнем сане иеромонаха. Боголюбивый святитель Гавриил написал отцу Феодору письмо, прося, чтобы тот

по пути из Соловков заехал к нему в Петербург для встречи. Но старец по крайней своей немо- щии смиренно отрекся от этого, а сразу напра- вился через Вологду, Ярославль и Владимир и 9 октября 1783 года прибыл в Арзамас.

В этот день во время утрени встретили своего духовного отца два санаксарских иеромонаха и ученицы Алексеевской общины. Старец препо- дал всем благословение и радовался с радующи- мися. Здесь он прожил целую седмицу, ежеднев- но посещая общество Алексеевское, как истин- ный пастырь и отец, поучая и утверждая души своих учениц, для которых и до самой своей кончины был наставником ко спасению.

Приезжали для свидания с отцом Феодором и настоятели окрестных арзамасских монастырей, равно как и почетные господа, и купечество, мужчины и женщины, многие из которых проси- ли старца посетить их дома для благословения и духовного назидания. Отец Феодор исполнял их благочестивые желания и благословлял дома многих именитых и простых людей города.

По прошествии недели старец отправился в свою родную обитель. Версты за три до Санак- сара выехал навстречу отцу Феодору казначей обители, а к перевозу на реке Мокша вышло все братство Санаксарское. Отсюда, приняв благо- словение старца, все вместе направились в оби- тель. Войдя в церковь и приложившись ко свя-

тым иконам, по обычном поклонении друг другу, радуясь духовно, отец Феодор благодарил братию за всю любовь их к нему в изгнании и выказанную теперь, а также и за прибавление благоустройства в обители. В то время уже были совершенно благоустроены и украшены обе церкви – соборная двухэтажная, с престолами во имя Рождества Богородицы и усекновения главы св. Иоанна Предтечи, и больничная во имя Владимирской иконы Богоматери. Много было построено за эти девять лет и других зданий с колокольней.

Таким образом, несказанно утешившись возвращением в родную обитель и умиротворившись духом, старец и ученики вновь начали подвизаться в мире и радости духовной.

Но не благоволил Бог, чтобы возлюбленные Его покоились, пока они в теле, но паче восхотел, чтобы они пребывали в скорбях, уничижении и оскорблениях. Ибо тем и отличаются сыны Божии от прочих, что живут в скорбях (Св. [Исаак Сирин](#). Слов. 36). Так и старец Феодор, как истинный раб Божий, недолго наслаждался миром и покоем.

29 октября 1783 года, буквально через несколько дней по прибытии отца Феодора в Санаксарский монастырь после девятилетнего отсутствия против него перед всей братией воздвиг клевету иеродиакон Иларион, бывший одно время с от-

цом Феодором в Соловках. Иларион назвал старца «противником Церкви, еретиком и атеистом». Дело было отправлено в Синод и по тщательном рассмотрении разрешилось тем, что Иларион был признан клеветником и наказан со всей строгостью, причем просил прощения у о. Феодора перед всей братией.

Так как многие приезжавшие в обитель стали ходить для наставлений и бесед к отцу Феодору, равно как и из братии многие ходили к нему для откровения помыслов и решения недоумений совести, то настоятель, хотя и бывший ученик старца, по немощи человеческой считая себя как бы униженным, оскорбился тем, что помимо его все ходят к старцу, и стал жаловаться епархиальному начальству, будто тот смущает обитель. Ученики-де его ходят к отцу Феодору безвременно толпами. Братия расстраивается его неблагоприятными советами, чуждаясь настоятеля. Велено было произвести расследование. Так как сношения отца Феодора с посетителями состояло в одних только духовных беседах, и в этом нельзя было найти ничего предосудительного, то никого и не вызывали к допросам, а только называли старца и его учеников сообщниками (вероятно, опасаясь их как подкапывающихся под власть настоятеля в пользу старца Феодора).

Но главная причина недовольства со стороны

настоятеля, иеромонаха Венедикта, на отца Феодора заключается в том, что настоятель по слабости своей попустил прокрасться в свое общежитие окаянному пьянству, а ревностный и прямодушный старец обличал пьяную страсть, от которой, как от всеокаянной матери, рождаются все нестроения в иноческих общежитиях. Замечал также смиренномудрый старец Феодор кичливость, неприличную монашескому званию, вместо прежней простоты и воздержания, в некоторых братьях и в самом настоятеле. Вследствие разбора дела, пристрастно поданного настоятелем, вход к отцу Феодору, даже с духовными нуждами, был воспрещен.

О притеснениях, делаемых отцу Феодору, доведено было через келейника, отца Феофана, до сведения высокопреосвященнейшего митрополита Гавриила. Этот искренний почитатель преподобного, желая облегчить жизнь старца, послал ему письмо следующего содержания: «Честный отец Феодор, мне любезный во Христе брате! Прошу вспомоществовать вашими молитвами в жизни моей и в делах должностей моих. Я же к вам пребываю всегда благосклонным. Гавриил, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский».

Узнав о таком милостивом внимании митрополита к старцу Феодору, настоятель предоставил ему некоторую свободу. Но спустя некоторое

время опять стал посылать доносы на старца епархиальному преосвященному. И опять святой стал жить как бы взаперти: никому не дозволялось – ни из мирян, ни из братьев монастырских – ходить к старцу и говорить о духовных нуждах. Арзамасские Алексеевские ученицы получали от преподобного утешение в скорбях и разрешение недоумений совести только через письма. По прошествии нескольких лет делавший разные притеснения старцу Феодору настоятель отец Венедикт занемог и, поболев немного, 27 декабря 1788 года умер, примирившись со старцем. После его кончины преподобный, получив свободу и разрешение на выезды, поехал в Арзамас к своим духовным детям, чтобы лично побеседовать с ними и разрешить их духовные нужды. Это посещение старцем своей Арзамасской Алексеевской общины было последним.

Беседуя, по обычаю, с детьми своими духовными, отец Феодор с особенным умилением и слезами пространно толковал им псалом «На реках Вавилонских», говоря: «Когда сыны Израиля, лишась Иерусалима, отечества своего, и не видя себе ниоткуда нимало отрады в земле чужой, как странники при реках Вавилонских сидели и плакали, то этим плачем они прообразовали состояние всех в бедах и скорбях живущих на земли. Должно и нам в мыслях содержать, что и мы в бедственной этой жизни, как странники, все-

гда напастями от врагов наших гонимые и томимые, тогда только отраду себе находим, внегда помянути нам горний Сион: помянух Бога и возвеселихся». Во время этой умиленной, как бы прощальной беседы все плакали – и настоятельница, и сестры.

Потом преподобный начал торопиться с возвращением в Санаксарскую обитель и, преподав всем благословение и прощение, выехал из Арзамаса. По пути заезжал святой Феодор в Саровскую пустынь, со всеми старцами любезно прощался и поспешил в Санаксар.

По приезде его, в среду на Сырной седмице после полудня, собрались к старцу в келью ученики его, и он, со всеми немного побеседовав, отпустил их. Остались было у него для решения некоторых духовных недоумений два ученика из дворян, живших в монастыре, но он начал изменяться в лице и велел им уйти, сказав, что очень изнемог. Такие припадки изнеможения издавна нередко бывали со старцем от внутренней болезни, но теперь все предчувствовали, что это изнеможение было не обычное, и с горем в сердце оставили его одного.

Немного спустя после ухода братии пришел келейный монах, служивший о. Феодору, сотворил молитву до трех раз, но, не слыша ответа, вошел без благословения. Отец Феодор молча лежал в постели и умно молился. Келейник тотчас побе-

жал и сказал братии, которые все сошлись к отходящему отцу своему. Старец уже ничего не говорил. Прошло в таком молчании около пяти часов; в десятом же часу пополудни, завершив 52-летний подвиг, душа преподобного старца Феодора мирно разлучилась с телом и отошла в вечные обители, к месту присного стремления сего блаженного отца. Тело его, хотя и лежавшее в теплой келлии до погребения, не издавало запаха тления. Погребен честный старец у созданного им храма, на северной стороне его. На могиле преподобного была положена аспидного камня плита с надписью: «Здесь погребен 73-летний старец иеромонах Феодор, по фамилии Ушаков, возобновитель Санаксарского монастыря, который пострижен в Александро-Невской Лавре, продолжал монашеское житие 45 лет; со всеми видами истинного христианина и доброго монаха 19 февраля 1791 года скончался».

9–10 июля 1999 года в Санаксарском монастыре произошло знаменательное событие – причисление к лику местночтимых святых восстановителя обители иеромонаха Феодора (Ушакова). На торжествах присутствовали и чин канонизации совершили правящий архиерей преосвященнейший Варсонофий, епископ Саранский и Мордовский, священноархимандрит монастыря, и правящие архиереи соседних епархий — высокопреосвященнейший Серафим, архиепископ

Пензенский и Кузнецкий, и высокопреосвященнейший Прокл, архиепископ Симбирский и Мелекесский. Ныне мощи прп. Феодора Санаксарского покоятся в соборной Иоанно-Предтеченской церкви.